

Когда священник принимает чью-то исповедь, тайной остается ее содержание. Публикуя исповедь самого священника, мы оставим «за кадром» его личность.

ИСПОВЕДЬ ПЛОХОГО СВЯЩЕННИКА

Тогда Иисус сказал толпе народа и ученикам Своим: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они скажут вам, исполняйте и храните, по делам же их не поступайте.

Мф. 23:1–3

Я не хороший человек, но то, что я говорю о Боге — правда.

Митрополит Сурожский Антоний

Как можно «опровергнуть веру»

— Батюшка! А вы вправду верите во все то, что проповедуете, или это просто работа такая?

Когда люди, далекие от Церкви, при знакомстве задавали мне вопросы такого типа, поначалу я реагировал на это как на хамство: незнакомого человека безо всяких оснований подозревают в бессовестной лжи и лицемерии. Причем на мой встречный вопрос: «А Вы сами, что — не верите в Бога?» — все мне отвечали: «Нет, я-то, конечно, в Бога верю, но думаю, что многие священники не верят...» Потом, выслушивая высказываемые такими случайными собеседниками впечатления от знакомых им батюшек, стал понимать, что, наверное, зря злюсь. Не то что бы я узнал много нового о духовенстве — здесь меня трудно чем-то удивить — скорее, стал задумываться о том, какие следы наша... скажем так, снисходительность к себе оставляет в душах окружающих нас людей. «Неверующие не могут опровергнуть веры. А верующие могут — не живя по своей вере», — архиепископ Иоанн (Шаховской).

Когда я был мирянином, я изрядно согрешал осуждением священников. Причем не только за бросающиеся в глаза их грехи (не так уж много я их видел тогда), а просто мне казалось, что тот или иной батюшка «недостаточно духовен». Я был уверен, что, надев рясу, стать святым совершенно несложно, тем паче ряса обязывает. Просто не грешить, и того и гляди духовные дарования одно за другим пойдут. Когда сам принял иерейский сан, осуждать своих собратьев-священников стал гораздо меньше. (Правда, продолжаю осуждать архиереев, но с этим грехом придется искать другой способ борьбы.)

Часто вспоминаю один эпизод из своего юношества. Было мне чуть меньше двадцати лет. Я гневно смотрел на отца Н., чье поведение в алтаре мне виделось недостойным. В ответ на очередную мою «благочестивую» дерзость отец Н. сказал: «Я в твои годы был точно такой же. Потом вся эта святость куда-то подевалась. И я на тебя еще посмотрю, когда тебе будет тридцать, а мне сорок». Я про себя вспыхнул, — мол, нет уж, я таким не буду, — но хватило ума промолчать. Тебе теперь

Преподобный Иоанн Лествичник: «Восходите, братия, восходите усердно по лестнице добродетелей».

за сорок, отец Н. Смотри и убеждайся в своей печальной правоте. Я хуже тебя, и я это знаю точно. Кроме всего прочего, мне не хватило бы кротости терпеть чьи-нибудь выходки и прощать так, как ты меня терпел и прощал тогда.

Лицензия на удовлетворение культовых потребностей

Поскольку мы поставили в заглавии слово «исповедь», читатель, наверное, ждет описания сотворенных мной беззаконий. Пожалуй, герой «Декамерона» из меня не получится: все обыденно. Господь по милости Своей сохранял меня от того, чтобы я имел канонические препятствия к служению у престола. Но кроме так называемых смертных грехов, можно переполнять чашу долготерпения Божия еще много чем... И я никому не пожелаю испытать то состояние, когда душа переполнена мерзостью сверху донизу, и ты понимаешь, что стать перед престолом ты просто *не можешь*, не сможешь прикоснуться к Чаше с Телом и Кровью Господа, но — этой Литургии ждут твои прихожане, среди которых ты более всех недостоин этого Таинства, а именно ты и должен его совершать...

Мне известна только одна книга из мировой художественной литературы, где автор потрясающе глубоко проникает в психологию христиан-

ского священнослужителя. Грэм Грин, роман «Сила и слава». Герой книги, не названный по имени католический священник, под угрозой расстрела совершающий служение в Мексике во время безбожной диктатуры, говорит, что один раз в жизни ему было страшно приступать к совершению мессы — в первый раз после совершенного им смертного греха (блудодеяния). Вот это важно — что *только в первый раз...* По тому, что я уже сказал, понятно, что, слава Богу, я не испытал ощущений грэм-гриновского героя в полной мере (но не благодаря своему благочестию — а просто не представляю, как я в таком случае смотрел бы в глаза жене и нашим маленьким детям...), тем не менее, я понимаю, почему у грэм-гриновского героя этот страх не повторялся. Человек, переступая через свою совесть, делает один раз усилие, как бы ломая перегородку, в следующий раз по этому же пути легче — дорожка протоптана.

Плата за это — утрата живой, действенной веры. Когда загаженное сердце не способно на любовь Божию ответить любовью (а это бывает тогда, когда нет искреннего покаяния — предельной решимости вычистить эту грязь, чего бы это ни стоило), оно прячется от божественной любви, как Адам в Эдемском саду. Для того, чтобы разумом усомниться в бытии Божиим или в реальности совершаемого Таинства, нужно дойти до полного духовного безумия. Это крайний случай. Гораздо чаще вера переходит в область теоретических убеждений, которые никак не отражаются на душевных переживаниях. *Страшно впасть в руки Бога Живого* (Евр.10:31), и, поскольку нет ни покаяния, ни любви, этот страх убивает молитву: умом мы понимаем, что от Всевидящего Ока никуда не спрячешься, тем не менее начинаем «отводить глаза». Чтение молитв становится формальным. Продолжительные службы сильно утомляют именно человека не молящегося. Так что службы мы сокращаем по единственной причине: мы просто не умеем молиться. Не умеем — или не хотим.

Без молитвенного горения перед Господом священнослужение превращается в ремесло. Данная нам в рукоположении *власть вязать и решить*, возможность совершения Таинств силой Духа Святого, начинает восприниматься лишь как «лицензия» на определенный вид деятельности — удовлетворение культовых потребностей населения. Становясь служителями не алтаря, а бюро услуг, мы забываем об ответственности за наше поведение в глазах людей: вас же не интересуют личные качества нотариуса, к которому вы приходите за печатью на документ (а действительность совершённого таинства, так же, как и действительность поставленной печати, от степени нашего благочестия не зависит), так чего ж вы к нам, попам, придираетесь?

И наша... Хотя, собственно, почему я перешел на множественное число? Сам же постоянно объясняю прихожанам, что, исповедуясь, говорить нужно только о себе; сказать «мы грешны» гораздо легче, чем «я грешен в этом и этом»... Итак, моя грубость и невнимательность к прихожанам — тоже недостаток *живой веры*, потому что христианская любовь к ближнему и любовь к Богу неразделимы. А вера без любви — это так *бесы веруют* (Иак. 2:19)...

Сколько еще тех душ...

Как-то меня поразила одна девушка, приехавшая в наш храм из села, расположенного километрах в двадцати от нас, поразила серьезностью и глубиной подготовки к Таинствам исповеди и причастия. Потом я в течение года ничего о ней не слышал. Однажды, когда я совершал в том селе отпевание на дому, подошла ко мне женщина, сказала, что ее дочь умирает от рака, и спросила, можно ли ей самой будет читать Псалтирь по дочери, когда та умрет. В ходе разговора я понимаю, что знаю ее дочь. Говорю: «Она же год не причащалась, надо обязательно причастить ее, пока она жива!» Договорились, что за мной придут в ближайшие день-два. Я не спросил ни их фамилии, ни адреса. И был очень расстроен, когда прошла неделя, и никто из того села за мной не приехал. Потом я уехал на пару дней в другую область, взяв с собой за компанию знакомого священника, и уже там к слову вспомнилась мне девушка из села, и я стал выражать гневные эмоции по поводу ее матери. Мой собрат мне на

это сказал: «Я бы на твоём месте поехал в то село, выяснил бы, где живет девушка, умирающая от рака, и причастил бы ее».

Я понимал, что он прав, но пожал плечами в ответ. Добираться до того села со Святыми Дарами на попутках (своего транспорта у меня нет; у моего тогдашнего собеседника, кстати, тоже), ходить по селу и у всех спрашивать, где тут девушка раком болеет?!

Он уехал назад, а я еще на сутки задержался в том городе. Возвращаясь на свой приход и узнаю, что, пока меня не было, приехал этот батюшка в наш храм, взял Святые Дары, доехал до того села, где жила болящая девушка, нашел ее и причастил. Мне рассказывали потом, как она светила, вспоминая об этом неожиданном посещении. А он еще и просил прощения у меня при встрече — мол, это он не чтобы мне досадить, а просто жалко стало человека умирающего... Брат мой, да ты ведь не только ей оказал милость великую. Ты еще избавил меня от ответа на Страшном Суде за ее душу.

...Сколько еще тех душ, от ответа за которые меня никто не избавит?!

И еще по поводу ответственности.

Примерно за год до моего рукоположения меня благословили быть крестным отцом моего друга. У него было сложное отношение к Православию, к Церкви, решение креститься далось ему нелегко, а мои попытки делиться с ним своими религиозными переживаниями (читай — «грузить») производили скорее отрицательный эффект. Однако настал тот день, когда мы с ним приехали на приход, в котором я в то время служил псаломщиком, и накануне совершения Таинства остались ночевать.

Когда сердце неспособно ответить на любовь Божию, оно прячется, как Адам в Эдемском саду

У каждого хирурга — свое кладбище. Священник права на «свое кладбище» не имеет.

вать в доме при церкви. Он — я видел это — внутренне метался; метался и я: а мне-то что делать? Какова моя роль в жизни моего крестника? Я пытался молиться, как мог. Ища утешения, открыл Евангелие; первые строки, которые я увидел, были следующие: Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя бы одного, и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас (Мф. 23:15).

Пробрало. Но выводов не сделал. Зачем мне это было показано, понял только спустя несколько лет. Когда увидел, какой духовный вред нанес человеку...

О «своем кладбище»

Умер в реанимации после автокатастрофы один мой давний знакомый. Когда он оказался в больнице, мне общие с ним друзья сообщили об этом, и я, зная о его неправославных взглядах, заперевал, что он может быть некрещеным. После его смерти это подозрение подтвердилось. В реанимации он лежал несколько дней в полном сознании. Я был в эти дни в том же городе, думал о том, что надо бы доехать до больницы и попытаться прорваться в реанимацию, поговорить с ним — и так и не попытался. Не успел собраться. Может быть, меня не пустили бы. А если бы и пустили, может быть, он отказался бы креститься. Может быть. Но это «может быть» мне не оправдание. Потому что шанс был.

С жуткой тоской я высказывал все это одному из наших с ним общих знакомых, и услышал в

ответ: «Ты — о ком? О нем? Или о себе?» Вопрос понятен. Да, рефлексия бывает разной: часто мы под видом покаяния занимаемся саможалением. Но моя тоска все-таки больше о нем. Я-то крещеный. И у меня теплится надежда, что по молитвам тех, кому, несмотря на мое негодяйство, удастся меня любить, Господь не попустит мне вечной погибели, даст возможность раскаяния.

Есть, однако, вопрос, противоречащий моей надежде: если окажутся души, не нашедшие пути спасения *по моей вине* — отошедшие от Церкви при виде моего недостойного поведения, не получившие духовной поддержки из-за моей невнимательности и лени, заблудившиеся в результате моих ошибочных советов — как будет возможно мое спасение, если они будут в муках? Вопрос даже не в том, возможно ли оно «юридически», а — как бы оно выглядело на фоне их мук? От своих друзей-медиков я услышал страшную поговорку: «У каждого хирурга свое кладбище». Так вот, священник, духовный лекарь, права на «свое кладбище» не имеет. Иначе первая могила на этом кладбище — его. Как же нам надо молиться за всех, с кем когда-либо свела нас воля Божия...

...Господь тебе скажет: «Теперь давай сам»

Вскоре после своего рукоположения в священник сан я встретил на улице батюшку, которому в последние годы перед своим священством много раз исповедовался. Он поздравил меня и сказал: «Сей-

час тебе легко. За тебя все Господь делает. Так будет полгода, а потом Господь тебе скажет: „А теперь давай сам“. Я понял, что он имеет в виду. Действительно, совершенно особое состояние было в первое время после посвящения в сан. Давалась без усилий та молитва, которая недавно требовала напряжения. Какие-то искушения, которые раньше выбивали из колеи, теперь проскальзывали, не задев. Настолько явственно ощущалось присутствие Силы, от чего-то защищающей, чему-то содействующей — трудно передать представление об этом тому, кто не испытал подобного. Только вот у меня это ощущение продлилось месяца два, если не меньше. Не думаю, что именно полгода — это некое общее правило, скорее всего, батюшка (помяни, Господи, душу усопшего раба Твоего иерея Евгения) поделился собственным опытом. А почему у меня от «хождения в благодати» следа не осталось гораздо раньше, я знаю. Не надо было расслабляться на радостях. Если раньше стоило мне пропустить утренние или вечерние молитвы, позволить себе увлечься чем-то трудносовместимым с духовной жизнью, «ненапряжно» провести время в бесшабашной дружеской компании — изменение моего душевного состояния не в лучшую сторону не заставляло себя ждать. И надо было прилагать покаянные усилия, чтобы восстановить утраченный мир, вернуться к молитве. После рукоположения я с удивлением обнаружил, что мне легко дается молитва, даже когда я забываю следить за собой. Нет, я не начал вытворять чего-либо несусветного, но любой воцерковленный человек знает, что такое, когда есть духовная собранность, и чем отличается — когда ее нет. А я тогда про эту собранность и думать забыл, и, несмотря на это, сила свыше удерживала мое сознание в стабильности. До поры. Однако когда человек своим поведением упорно демонстрирует, что то, что Господь дает ему в подарок, вовсе для него не дорого, Господь рано или поздно перестает давать... Тот мой крестник через месяц после крещения пришел ко мне в слезах и сказал: «Мне никогда в жизни не было так мерзко. Я вообще не знал, что человеку может быть мерзко до такой степени». Потом еще двое из моих знакомых, крестившихся взрослыми, через некоторое время после крещения сказали мне примерно то же самое. Вряд ли они испытали что-то из ряда вон ужасное; просто, когда в Таинстве им была дана неведомая до того чистота духа, они не поняли, что это, а когда начали ее терять, почувствовали разницу. Но были и другие, кому «мерзко» не стало. Те, кто серьезно готовился к Таинству. Те, кто понял, что семя, вложенное в их души Господом, надо возвращать. И приносить плоды.

Меня крестили во младенчестве; однако я знаю, что испытали мои знакомые, крестившиеся взрослыми, потому что ощущения тех, кто принимает крещение, и тех, кто принимает сан, отчасти

сходны. Потому что и крещение, и рукоположение, и другие Таинства Церкви — это соработничество Господа и того человека, которому это Таинство преподается; по крайней мере, так должно быть. Но многие из нас повторяют друг за другом все те же ошибки. А наработать самим то, что было получено от Господа даром и без ума растрчено, гораздо труднее, чем принять бережно, с благодарностью, и сохранить. Если бы молодость знала...

Не раз спрашивали меня, не жалею ли я, что выбрал путь священника, не было ли разочарования. Нет, в самом священстве — ни на минуту, я не думаю, что подобное разочарование вообще возможно для верующего человека. Но вот в себе, в своей «профпригодности»... По прошествии нескольких лет понимаю, что с принятием сана не нужно было спешить, имело бы смысл более серьезно подготовиться к этому служению; хотя бы просто повзрослеть.

Конечно, годы служения в сане даже у очень плохого священника умножают не только грехи, но и опыт. Если я скажу, что после рукоположения я только лишь уходил от духовной жизни, это не будет правдой. Так или иначе Господь заставляет молиться, когда у самого на это не хватает усердия; так или иначе, когда люди обращаются за духовной помощью, приходится вместе с ними делать какие-то шаги. Но было нечто, утраченное мной в начале моего священства, что я не могу вернуть и по сей день.

рисунок Елены Бузальской

Об осленке, ступающем по пальмам

Мне не стоит ко всем прочим грехам добавлять еще и грех самооправдания. Нам остается только покаяние, и вместе с возможностью покаяния нам дана надежда. Основанием для надежды является любовь Божия, и подтверждения того, что мы не оставлены этой любовью, мы видим в своей жизни постоянно. Несмотря на наши пороки и немощи, и через нас, недостойных священников, действует Господь — подчас помимо нашей воли. Мне еще в самом начале моего воцерковления было дано ощутить на себе явные чудеса, совершенные через священников, которых я *именно в это время* осуждал за настоящие либо мнимые их грехи. Некоторые случаи — внезапное чудесное исцеление, неожиданный прямой ответ на невысказанный вопрос, о котором невозможно было догадаться — я часто вспоминаю до сих пор; вспоминаю и радуюсь тому, что у меня хватило ума не сказать об этих чудесах самим тем священникам — я уверен, что они даже не подозревали, *что* мне Господь явил через них. Уже тогда я боялся ввести их этим в искушение, опасность которого потом почувствовал на своей шкуре: приписать себе то, что, как бы не глядя на наше маловерие, творит через нас Господь.

Об этом в своем очень неожиданном прочтении евангельского отрывка о Входе Господнем в Иерусалим говорит митрополит Сурожский Антоний: бедный осленок наверняка думал, что это перед ним постилают цветы, одежды и пальмовые ветви, и ему восклицают «осанна» — он не понимал, что на нем едет Господь... Священник, слыша слова благодарности или свидетельство о результатах своего служения, если будет принимать их в свой адрес — уподобится тому осленку.

Греша, мы ведаем, что творим. *Раб, знавший волю господина своего... и не сделавший по воле его, бит будет много* (Лк. 12:47). Дай Бог, чтобы мои грехи не превысили ту меру, за которой я буду непригоден Господу даже в качестве осленка... Тех, кто будет читать этот текст, покорнейше прошу: видя нас, нерадивых пастырей, молитесь, чтобы Господь простил нам наши грехи и помог духовному возрастаню. Осуждать, конечно, легче — но тех, кто научится не осуждать, Господь обещал не судить за их согрешения. *Исповедуйте друг другу грехи и молитесь друг за друга, чтобы быть исцеленными* (Иак. 5:16) — эти слова апостола Иакова относятся ко всем христианам, и взаимоотношения мирян и духовенства не исключение.

Записал Ст. Сташкевич

Нерассудительный священник уподобляется осленку, на котором Господь въезжал в Иерусалим

